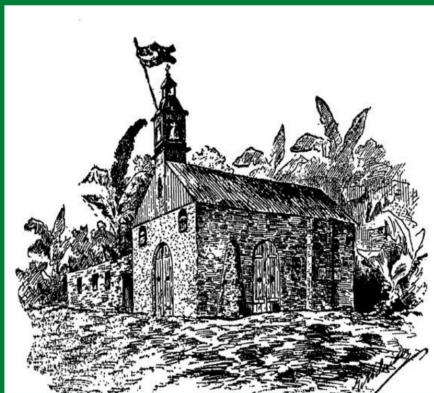

ПОД КРАСНО-ЗОЛОТЫМ ЗНАМЕНОМ

ОСАДА БАЛЕРА

Сатурнино Мартин Сересо

12+

Сатурнино Мартин Сересо Под красно-золотым знаменем. Осада Балера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422687

SelfPub; 2020

Аннотация

В книге описывается героическая одиннадцатимесячная оборона испанскими войсками церкви в филиппинском городке Балер в 1898-1899 годах.

Содержание

От переводчика на русский язык	4
К читателю	9
Вступление	11
Осада. Первый период	20
I	20
II	32
III	41
IV	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сатурнино Мартин Сересо Под красно-золотым знаменем. Осада Балера

От переводчика на русский язык

Многие смотрели испанский фильм «Последние с Филиппин – 1898». А я захотел узнать всю подноготную этой воистину эпической истории. И попались мне записки последнего командира гарнизона Балера Сатурнино Мартина Сересо (*Saturnino Martín Cerezo*). Ему есть чем гордиться – 11 месяцев солдаты полуроты 2-го экспедиционного батальона (*Batallón Expedicionario de Cazadores nº 2*), находясь в полной осаде в церкви Сан-Луис Обиспо де Толоса (*San Luis Obispo de Tolosa*), сдерживали натиск абсолютно превосходящих сил противника – филиппинских повстанцев (*Katipunian*).

Памятная доска на стене церкви в Балере

Когда мемуары Сатурнино Мартина Сересо *“El Sitio de Baler”* прочитал служивший на Филиппинах американский майор Ф.Л. Доддс, то они настолько взволновали его, что он перевел их на английский язык и раздал по экземпляру каждому из своих подчиненных. Эту книгу я и перевел на русский язык.

Вкратце коснемся биографии Сатурнино Мартина Сересе-

со. Родился 11 февраля 1866 года в малообеспеченной семье, поэтому с детства ему пришлось работать в поле. В 17 лет вступил добровольцем в армию, где вскоре получил звание сержанта. В 1897 году ему было присвоено звание лейтенанта (segundo teniente) запаса. Добровольно отправился на Филиппины, где в это время вспыхнуло восстание местного населения против испанского владычества. После возвращения с Филиппин Сатурнино Мартин Сересо остался на службе в армии и достиг звания генерал-майора, умер 2 декабря 1945 году.

Память об осаде Балера свято хранится как в Испании, так и на Филиппинах. В 2019 году по случаю 120-летнего юбилея окончания осады в Балере была проведена торжественная церемония с участием филиппинских властей, испанских дипломатов и представителей общественности, включая потомков защитников церкви. Тогда же Балер посетил впервые за 121 год испанский военный корабль – совершавший кругосветное плавание фрегат “Méndez Nuñez”.

Александр Федорович Митрофанов, переводчик

Церковь в Балере, современный вид

Члены экипажа фрегата “Méndez Nuñez” у церкви Балера

К читателю

Одинадцать месяцев страданий, которые мы перенесли в церкви Балера, живут в моей душе, как будто это произошло только вчера и полагаю, что я обязан своей стране написать историю этих событий, произошедших в этих четырех стенах, последнем остатке ее владычества на Филиппинах. Я удовлетворен полученными почестями и наградами и поэтому не стремлюсь прославиться, а мое единственное желание – сохранить от забвения то, что заслуживает место в нашей Золотой легенде, которая сейчас выглядит такой сомнительной и запятнанной; написать о тех славных делах, которые, если бы они распространились на весь театр боевых действий, многое бы изменили.

Небольшой отряд солдат там доказал, что наши военные добродетели не исчезли. Они достойны, чтобы о них написали хотя бы для того, чтобы реанимировать ту спасительную веру, которая так помогала нам выстоять.

Угнетенный нашей неудачей и дискредитацией, я считаю эти страницы моим скромным резюме тех печальных дней и данью уважения моим доблестным соратникам.

Я не чувствую ни горечи ни желания кого-либо осуждать или критиковать, а хочу только искренне сделать их достойными.

И больше ничего. Мир мертвым, память о живых и мо-

литва Богу, который просвещал и защищал нас.

Сатурнино Мартин Сересо

Мадрид, 30 сентября 1904 г.

Вступление

В отдаленном уголке Филиппинского архипелага, на восточном побережье острова Лусон, расположен маленький городок Балер (Baler). Это заброшенное и одинокое место, окруженное с суши обрывистыми горами, безбрежными просторами Тихого океана с другой стороны и открытым всем опасностям побережьем, протянувшимся с севера на юг.

Балер и прилегающая часть острова Лусон, современная карта

Старейшим и самым солидным зданием, универсальным признаком испанского завоевания, здесь является церковь. Это сложенное из грубого камня продолговатое, суровое и неухоженное здание, одинокая святыня славного этапа испанского суверенитета на этих злосчастных островах. Под укрытием этих стен рота испанских солдат, голодная, забытая, но непобедимая, выдержала долгие одиннадцать месяцев осады в условиях страданий и героизма в последние дни испанского и первые дни американского господства на Филиппинах.

Вероятно, во всей истории не было столь удивительного случая, как эта брошенная всеми группа героев, ведущая безнадежную борьбу и завоевавшая в ней бессмертные лавры за дело, которое уже не существовало, защищавшая собственность, которую их страна уже уступила противнику и сражавшаяся против своих старых врагов, которых Испания уже передала их новому врагу вместе с самой страной. Это история стойкости, горьких страданий от голода, болезней и ран, храбро встреченной смерти, героических поступков и возвышенная преданность флагу, под которым эти люди служили. Они заслуживают большей симпатии и поддержки, более достойного противника, большего внимания. Но мрак их жалкой крепости не может затмить блеск этой героической истории, не делает ее менее достойной главой в Золо-

той Легенде о романтической Испании.

Маленький городок стоит на мысу, расположенном на южном берегу небольшой бухты с тем же названием и почти окружен водой, а во время прилива иногда превращается в остров. В дни испанского господства он состоял из уже упомянутой церкви с монастырем и резиденцией священника, бетонного дома губернатора, казармы для войск и запущенного здания суда местной администрации.

Эти показательные символы испанского владычества были сгруппированы вокруг традиционной главной площади – *plaza*, вокруг которой вдоль прямых дорог, в тени пышных пальм и бамбука располагались хрупкие хижины туземцев, хорошо демонстрировавшие своей легкостью и ненадежностью беспокойный и нестабильный характер их обитателей.

Хотя Манила находилась всего лишь в ста двадцати милях от Балера, сообщение с ней через горы всегда был трудным и ненадежным, как и по морю, из-за отсутствия безопасной якорной стоянки или порта. Тем не менее, несмотря на изолированность от внешнего мира, это был самый важный город области, а во времена испанского правления была столицей округа Эль Принсипе(*El Príncipe*).

Единственным другим городом в округе был Касигуран (*Casigúran*) – место, представляющее особый интерес для американцев, потому что именно здесь высадились их силы под командованием генерала Фанстона с целью захвата Агинальдо (руководитель филиппинских повстанцев – прим. пе-

реводчика).

Губернатор El Príncipe, который обычно был армейским капитаном, также выполнял функции судьи первой инстанции, казначея и директора почты, выполняя свои функции и зарабатывая соответствующее признание своей нецивилизованной области по мере своих способностей. Его авторитет однако не находил поддержки и был весьма сомнительным. Туземцы, особенно наиболее цивилизованные из племени Тагалогов, не испытывали любви к своим хозяевам и это неудовлетворение все шире распространялось.

За год до начала трагической истории Балера вспыхнуло восстание филиппинцев против испанского правительства. Манила и соседние провинции были центром волнений,

но Эль Принсипе считался спокойным районом до конца августа 1897 года, когда начали распространяться слухи о том, что повстанцы используют в своих интересах его изолированные и неохраемые берега для контрабанды оружия и боеприпасов.

Губернатору было приказано расследовать это дело, но, как и должно было случиться, он ничего не смог проверить, так как его единственным источником информации могли быть только дикие аборигены, которых трудно было подкупить или хотя бы соблазнить покупкой добытой ими оленины и чьи показания были бы практически бесполезны. Так как использование неприятелем этой территории представляло угрозу для более важных регионов, то крейсер "*Maria*

Cristina”, получивший позднее известность, был направлен для патрулирования этих вод и восстановления спокойствия во взбунтовавшихся городах на побережье.

До этих времен гарнизон Балера состоял из капрала и четырех ветеранов *Guardia Civil* (испанская жандармерия – прим. переводчика), но в ответ на просьбу губернатора о срочной помощи, туда был направлен отряд из пятидесяти военнослужащих батальона “*Cazadores*” под командованием лейтенанта Хосе Мота. Они прибыли в Балер 20 сентября, после смелого и трудного марша через дикие горы, где силы врага были наиболее опасными и мощными.

Мота был смелым и способным офицером, но в городе он слишком доверился кажущейся безопасности и совершил ошибку, которую до, да и после него, совершали многие храбрецы. Десять человек из числа своих скудных сил он разместил в казарме *Guardia Civil*, восемнадцать других в доме школьного учителя, а оставшихся – в здании военной комендатуры (*Comandancia*). Сам он разместился в доме учителя, расположенном в центре, а его предосторожности ограничились одним часовым, выставленным на *plaza* для охраны всего гарнизона.

Письмо от местного священника коллеге, датированное этим временем, содержит едкие и значимые слова:

«У нас здесь было несколько военных кораблей для разведки побережья. Вы можете представить, сколько они всего обнаружили. Кроме того, у нас есть пятьдесят “*Cazadores*”,

которыми командует очень молодой лейтенант. Это бедствие, которое Бог послал нам и которое мы должны вынести.»

Силы гарнизона Балера были так слабы, что просто притягивали к себе все возможные беды. Если прежняя крайняя слабость возможно только способствовала их безопасности, то теперь они были недостаточно сильны, чтобы их боялись, но стоили того, чтобы от них избавились.

Рано утром 5 октября 1897 года большая группа повстанцев, тихо, как тени в тумане, прокрававшихся по лесным тропам сквозь темные пальмовые рощи, на рассвете обрушились на спящий гарнизон, убив и ранив несколько человек, включая самого Моту, и исчезли так же быстро, как и появились, уводя с собой пятнадцать пленных, включая местного приходского священника и захватив ценную добычу в виде оружия и боеприпасов (кроме Мота погибли еще 6 испанцев, захвачено 30 винтовок Маузер – прим. переводчика).

Спустя два дня капитан судна *“Manila”*, подошедшего к берегу для обмена новостями с Мотой и местным священником, столкнулся с шокирующим видом нескольких незахороненных трупов, валявшихся на площади. Выжившие после резни укрылись в церкви. После усиления их двенадцать моряками с судна и врачом для ухода за ранеными, капитан «Манилы» решил следовать в Касигуран, чтобы сообщить новости о катастрофе армейскому командованию.

Его телеграмма произвела ошеломляющее впечатление на

чиновников в Маниле, но, оправившись от шока, они решили отправить в Балер транспорт “*Cebu*” с сотней солдат под командованием капитана Хесуса Ролдана Майсонада (*Jesús Roldan Maizonada*) на борту – силы пропорционально еще менее адекватные, чем первые полсотни, принимая во внимание быстро растущие силы инсургентов, чья опасность удвоилась под влиянием их недавнего успеха.

После двухдневной задержки и короткой стычки с инсургентами, которые вернулись и заняли прочную оборону вдоль побережья, Ролдану удалось высадить свои силы 17 октября. У него не было другой альтернативы, как расквартироваться в церкви, укрепив ее всеми имевшими в наличии крайне скудными средствами. Прежнее подразделение через два дня, погрузилось на борт «Манилы», которое, оставив сменщикам большинство своего продовольствия, снялось с якоря и по словам летописца героической обороны Балера:

«Когда это судно и “*Cebu*” ушли, столица округа Эль Принсипе ограничилась размерами церкви, защищаемой ничтожными силами, отрезанной от всех наземных коммуникаций, а возможная помощь всецело зависела от ненадежных и трудных морских сообщений, окруженный затихшим и опустевшим городом – печальным предзнаменованием того, что должно было вскоре произойти.»

Уже через несколько часов после ухода судов повстанцы пошли в атаку. Мы не будем описывать все обстоятельства этой ранней и не столь серьезной осады. Она продолжалась

три месяца, на протяжении которых гарнизон перенес тяжелые лишения. Пища была скудной и плохого качества. Перестрелка была нескончаемой, а служба тяжелой. Солдаты страдали от болезней и ран. Только в бою 11 января, когда осаждавшие полностью блокировали церковь, было ранено семнадцать человек (включая офицера). Отсутствовали медикаменты и медицинская помощь.

Наконец, 23 января 1898 года, прибыла помощь – четверста человек под командованием майора Хенова (*Génova*), а через несколько часов были получены известия о заключении мирного соглашения *Viak-na-Bato* (договор Биак-на-Бато, предусматривавший прекращение военных действий повстанцами, был подписан 15 декабря 1897 года испанским губернатором Филиппин и лидером повстанцев Эмилио Агинальдо (*Emilio Aguinaldo*) – прим. переводчика).

Теперь Рольдану было поручено принять капитуляцию своих бывших врагов.

Но мало кто воспользовался этой возможностью «похоронить топор», и как упоминает историк: «и примечательным был тот факт, что все они пришли без оружия, четкое указание на то, что мир вряд ли будет длиться долго.»

Власти Манилы приняли решение вывести батальон Геновы и сменить подразделение Рольдана. Смена ограничилась отрядом численностью пятьдесят человек под командованием лейтенантов Алонсо Зайяс (*Alonso Zayas*) и Сатурнино Мартин Сересо (*Saturnino Martin Cerezo*).

Отряд покинул Манилу 7 февраля 1898 года. Его бойцы не могли тогда подумать, что им доведется вернуться в Манилу только через полтора года, что придется перенести неслыханные трудности и страдания и вернувшись, они узнают, что суверенитет их страны над Филиппинами уже передан другой стране. А далее следуют воспоминания лейтенанта Мартина Сересо – единственного оставшегося в живых офицера этого подразделения.

Осада. Первый период С февраля по ноябрь 1898 года

I Помощь

Капитан Las Morenas. – Скучный рацион. – Инциденты. – Начальная диспозиция. – Политика привлечения. – Школьный учитель Lucio. – В темноте и босиком. – Просьбы игнорируются.

Назначение капитана от инфантерии Энрике де лас Моренас и Фосси (*Enrique de las Morenas y Fossi*) военно-политическим губернатором Эль-Принсипе совпало с нашим отъездом, и мы совершили путешествие вместе. Это заняло пять дней и у меня была возможность бегло ознакомиться с маршрутом для того, чтобы понять, какие коммуникации связывают этот район со столицей архипелага.

Капитан Лас Моренас

Следуя по Пасиг, прекрасной реке, поэтические берега которой представляет собой пример того, что может быть сделано трудом и цивилизацией на Филиппинах, судно доставило нас в Санта-Крус на берегу залива Лагуна-де-Бай, где мы остались на ночь, отправившись в Маубан на следующий день.

Это короткое путешествие заняло у нас два дня (около сорока километров), проходя через Магдалену, Маджаджай, Лумбан и Альфонсо. Лас Моренас страдал от невралгии. Он мог путешествовать верхом в первый день, но потом его нужно было нести в гамаке.

Прибыв в Маубан, нам пришлось пережить еще одну задержку, в ожидании прибытия транспорта, который покинул Манилу за три дня до нашего отъезда. Наконец, мы достигли нашего пункта назначения вечером 12 февраля 1898 года.

На борту этого же транспорта были и монах Кандидо Гомес Карреньо (*Candido Gómez Carreño*), который был захвачен во время нападения на отряд Моты и теперь возвращался в свой приход, а также врач медицинского корпуса Рохелио Вигиль де Киньонес и Альфаро (*Rogelio Vigil de Quiñones y Alfaro*), которому был приказано организовать и осуществлять медицинскую службу, которая раньше полностью отсутствовала. В помощь ему выделили капрала и рядового госпитальной службы (оба туземцы) и рядового – европейца –

персонал, который посчитали достаточным.

Разлившаяся река, воды которой находишь всего лишь в нескольких футах от церкви, стала первым препятствием после нашего прибытия, а некоторые продукты, которые наши люди вынуждены были оставить на пляже после высадки, через три дня пришли в негодность из-за ненастной погоды.

Эта река Авас была для нас препятствием для общения с внешним миром. При других обстоятельствах это могло быть нам полезным и даже послужило бы средством нашей безопасности; но подъем и падения ее уровня под воздействием приливов и дождей могло в течение большей части времени фактически изолировать нас.

Когда-то здесь существовал мост, но наводнения разрушили его и уцелели только каменные опоры. Они могли бы послужить для его восстановления без особых усилий, принимая во внимание, что неподалеку уже лежали ранее заготовленные для этого бревна, но от этой затеи отказались. Проблема была решена с помощью лодки, которую лодочник перемещал, цепляясь за *vejiso* (род лианы), протянутой с одного берега к другому, по принципу некоторых паромов в Испании.

Лас Моренас решил ежедневно назначать на эту работу местных туземцев, но те выполняли свои обязанности в зависимости от собственного желания, что не нравилось пассажирам, которым часто приходилось ждать на одном берегу, пока кто-нибудь не вернет лодку, оставленную на другом.

Это средство переправы показывало местным нашу изолированность, когда они лишали нас этого средства передвижения.

Произошла смена военно-политического руководства и командования гарнизона (которые были независимы друг от друга), после чего Хенова со своими войсками, а Ролдан со своей ротой погрузились на то же судно, который нас доставило, и как только позволила погода, оно подняло якорь и направилось в Манилу.

Отход транспорта – это первая сцена трагедии, рассказ о которой я собираюсь написать.

Те продукты, которые были оставлены для нас на пляже, были последними, что мы смогли получить. С ними и теми, что хранились в церкви, нам предстояло встретить долгую осаду. Кто мог подумать, что ни один человек, ни один патрон, ни один мешок сухарей не будут получены от нашей армии?

Унас был достаточный запас боеприпасов, чего нельзя сказать о продовольствии. Когда все были доставлены, мы смогли видеть, насколько сильно они были повреждены; не только из-за обстоятельств, при которых они были доставлены, но также из-за места хранения, которое было очень влажным и тесным без вентиляции и солнечного света.

Кроме того, силы Хеновы с ежедневным потреблением продовольствия на четыреста человек израсходовали лучшие продукты, оставив нам только испорченные и непригод-

ные для использования.

Через несколько дней состояние разложения продуктов и невозможность их дальнейшего использования заставили нас провести ревизию и отказаться от значительной их части. Стремясь восполнить недостаток, который теперь угрожал нам, мы стремились добиться поддержки населения, покупая у них все мясо и рыбу, которые нам предлагали, оплачивая их, как правило, по ценам, установленным ими самими, и, следовательно, стимулируя их жадность. Благодаря этому процессу нам удалось заставить беженцев вернуться в город и снова заняться своими обычными делами и в то же время сократить потребление имеющихся у нас запасов продовольствия.

Но сохранение наших продовольственных запасов не смогло продолжаться долго. Подстрекаемый капралом Виценте Гонсалесом Тока, человеком с недисциплинированным характером, которого я вынужден был казнить позже, солдаты начали протестовать против того, чтобы мясо животных, купленное у туземцев, считались частью их рациона. Пришлось выслушать их требования и информация о протесте была передана военному губернатору в Маниле для принятия решения, которое оказалось в пользу претензий солдат.

Более того, как будто Балер был процветающим торговым центром, который легко снабжать, было также предписано, чтобы при рассмотрении вопроса о нехватке средств к су-

ществованию у жителей города любые вещи или продовольствие, которые они могли бы попросить, должны быть проданы им. Для этого следовал список цен для каждого из видов продовольствия, но никакого намека на то, что у нас должно быть своевременное снабжение.

Сначала отряд располагался в церкви, месте, которое, как показали события, было наиболее подходящим. Там мы, по крайней мере, были в состоянии избежать неожиданного нападения; там были наши боеприпасы, было место для наших продуктов, хороших или плохих, в количестве достаточном или недостаточном и было наше последнее пристанище на случай неприятных обстоятельств.

Церковь Балера во время осады

Но капитан Лас Моренас, желая произвести впечатление на туземцев своей близостью и верой к ним, предложил лейтенанту Алонсо, командующему отрядом, разместить войска в Комендатуре, где капитан имел свою официальную резиде-

денцию и служебные помещения, оставляя для охраны церкви лишь их небольшую часть под командованием капрала. Все это было сделано и когда пост Гражданской гвардии, который ежедневно наблюдал за пляжем для предупреждения контрабанды оружия, был оттуда выведен, для этой цели стали посылать один-два солдатских патруля.

Капитан Лас Моренас особенно хотел возвращения населения города, административного возрождения округа, единства и согласия людей. Он был оптимистом и решил их преобразить морально и социально. Он преуспел в определенной степени благодаря коммерческим отношениям, о которых уже говорилось, потому что из-за желания получить выгоду и надеясь на то, что прошлое было полностью забыто, люди начали возвращаться в свои жилища.

Верно, что возвращение к нормальным условиям, которое происходило на всех островах, сильно способствовало заселению города; но возвращение к нормальным условиям было скорее кажущимся, чем реальным, и, согласно «мнению народа», временным – «до июня». Однако оно очень помогло успокоить умы людей.

Из-за чрезмерной самоуверенности капитана нам пришлось вскоре пережить несчастье. Стремясь, возможно, к расположению населения, он взял в качестве своего советника (по крайней мере, так это исходило из их близкого общения) учителя школы, некоего Лусио, и усердно посвятил себя обработке земли, принадлежащих Комендатуре, исполь-

зую для этой цели безвозмездные услуги населения. Этот метод ведения сельского хозяйства, как доказательство уверенности капитана в подлинности наступившего мира, он поручил школьному учителю, который быстро завоевал ненависть всех жителей.

На самом деле люди очень неохотно выполняли эти работы, утверждая, что из-за частной принадлежности места их работы они не обязаны трудиться без компенсации, даже если этот приказ соответствует букве закона, что это наносит ущерб их интересам и является злоупотреблением. То-есть, в то время как капитан предполагал, что из-за его благожелательного отношения к населению, все, что он приказал, будет с радостью принято и исполнено, они, напротив, протестовали, а также, в своем стремлении добиться справедливости, они обвинили учителя в том, что он посоветовал такое невыносимое рабство. Труд и ропот продолжались до тех пор, пока народ не убил бедного школьного учителя.

Несомненно также, что именно этого человека мы должны были «поблагодарить» со своей стороны за то, что в это время и при благоприятных условиях не было сделано то, что вскоре стало столь необходимым для сохранения нашей жизни и что было очень просто и легко сделать.

Поскольку у Балера не было водоснабжения, за исключением ручья, огибавшей его с юга и запада, на противоположном берегу которого начинался густой лес, и, поскольку слухи о революции постоянно распространялись, мне пришлось в

голову, что ситуация будет критической, если перед лицом новой осады мы окажемся без воды либо потому, что враг лишит нас этого, направив ручей в другое русло, что было очень легко сделать, либо скрываясь в лесах, они могли бы лишиться возможности им пользоваться, обстреливая нас под надежным прикрытием плотных зарослей.

Очень небольшое возвышение земли над уровнем моря и его близость, убедили меня, что вырыть колодец будет просто. Я указал на это Лас-Моренасу, считая, что площадь является наиболее подходящим для этой цели местом и разумно объяснил ему мои подозрения. Он выслушал это предложение довольно невнимательно, сказав, что мы должны обсудить это с учителем. И он так и сделал, но последний, безусловно не желая говорить правду, утверждал, что уже предпринимались безуспешные попытки отрыть колодцы и поэтому мой проект был заброшен.

В ходе нашей борьбы против трудностей и изоляции, пришло время, когда у войск не осталось ничего, что могло бы стать светом в ночи – мы испытывали нехватку продовольствия, о чем я уже говорил, материалов для ремонта обмундирования в которых мы сильно нуждались. У нас не было в запасе ни одной пары обуви и нашим несчастным парням скоро пришлось ходить босиком.

Мы обращались с настойчивыми просьбами, пытаюсь просто и логично объяснить необходимость всего этого, но (говоря это с горечью) нас даже не слушали.

Я полагаю, что для этого безразличия были веские причины. Я не пытаюсь требовать у них объяснений и не осуждаю их; но я просто хочу указать на тот факт, что с 12 февраля 1898 года, дня нашего прибытия в Балер, до 2 июня 1899 года, дня нашей памятной капитуляции, мы не получили, как я уже говорил, ни одного сентаво, ни одного сухаря, ни одного патрона.

II

Начало осады

Восстание продолжается. – Коммуникации отрезаны. – Побег заключенного. – Предупреждения о нападении. – Бегство жителей. – Без одежды. – Меры предосторожности. – Дезертирство. – Все в церковь. – Первый бой. – Осажденные.

События, уже упоминавшиеся в связи с убийством учителя, эти слухи о новом и гораздо более энергичном мятеже, которые зашли так далеко, что июнь считали месяцем его вспышки, распространялись с пугающей быстротой, как раскаты грома в небесах, отзывавшиеся эхом среди пиков и пропастей горного хребта.

В апреле 1898 года я узнал, что в Карранглане, Пантабангане и Бонгабоне идет призыв на встречу, которую собирались провести в Сан-Хосе-де-Луао. Я пытался тайно выяснить, имел ли этот слух какие-либо основания на самом деле и через некоторых жителей самого Балера, которые ходили закупать рис в названных городках, мне удалось это проверить. «Они также пытались завербовать нас,» – сказали мои информаторы, – «и они предлагали нам хорошие деньги». Я немедленно сообщил об этом военно-политическому губернатору и командующему войсками, первый из которых сообщил мне, что он проинформирует Капитан-Генерала, а вто-

рой, что напишет командиру поста Пантабанган, чтобы тот мог принять соответствующие меры.

Во второй половине мая ситуация продолжала становиться все более и более тревожной (в последней почте, полученной по суше из Манилы, мы получили *Gazette*, из которой узнали о разрыве с Соединенными Штатами и катастрофе при Кавите). Силы, о которых только что говорилось, теперь стали достаточно многочисленными, чтобы выйти на поле сражения и они это сделали. Они завладели названными городами, в которых завербовали своих сторонников и отрезали нас от любой связи с остальной частью острова.

Вскоре мы выяснили, насколько бдительными были силы, используемые для того, чтобы блокировать нас. 1 июня мы отправили в Манилу отчет за май. Почта была перехвачена, а курьеры попали в руки противника, но через несколько дней им удалось бежать и вернуться к нам, предупредив о новых опасностях, угрожающих Балеру

Несомненно, что наш маленький отряд постоянно возбуждал алчность и тревогу у врага. Воодушевленные легкой победой в октябре, которая принесла им добычу в виде винтовок Маузера, победой во время высадки с «Манилы» и блокадой роты Ролдана; зная о нашей ситуации и ресурсах в деталях, о нашей практической изоляции от морского побережья и стремясь получить известность победой над нами, было бы логично, по моему мнению, чтобы они с жадностью смотрели на Балер.

Они были уверены в соучастии и помощи жителей города. Они верили в свои способности и надеялись, что смогут захватить полсотни винтовок и множество боеприпасов. И прежде всего, это было желание отрезать наш отряд, желание, которое им не удалось полностью осуществить ранее и которое, как следствие, должно было чрезвычайно стимулировать их тщеславие; кроме того, они рассчитывали, что это желание можно очень легко реализовать, потому что на их стороне было подавляющая численность, а с нашей стороны – чрезмерное уныние и беспомощность.

Видя невозможность передачи информации о ситуации непосредственно Капитан-Генералу, Лас Моренас послал за жителем города и его бывшей главой Теодорико Новисио Луна, родственника знаменитого автора “Spoliarium” Луна Новисио, которого Испания удостоила почетной награды на выставке изящных искусств в Мадриде в 1884 году.

Лас Моренас спросил Луну, есть ли надежный человек, который передаст послание губернатору Сан-Исидро, чтобы переслать его в Манилу. Он ответил утвердительно и представил некоего Рамильо, за которого, по его словам, он может поручиться. Этот человек получил сообщение в зашифрованном виде, которое закрепили на его бедре, чтобы предотвратить его обнаружение в случае захвата. Вскоре он вернулся и заявил, что враги задержали его, раздели и нашли сообщение, которое не смогли прочитать, а его происхождение он им не сообщил, после чего они порвали бумагу в клочья

и не позволили ему идти дальше. Только он и Бог знают, было ли все это правдой или ложью. С моей точки зрения, эта идея привязать послание к ноге, что вероятнее всего и вызвало подозрения при обыске, была очень глупой.

Примерно в это же время из Бинангонана прибыли две *pontines*, которые привезли палай (неочищенный рис) для продажи нам в Балере. Возможность передачи донесения мы постарались не упустить и воспользовались ею, доверив бумагу человеку, ответственному за эти суда, с целью доставки его командиру гарнизона в Бинангоне. Они очень любезно приняли поручение и ушли, оставляя нас с приятной надеждой, что наше донесение достигнет Манилы.

Но наши надежды очень скоро закончились горьким разочарованием; поскольку как только суда ушли, завершив продажу своих товаров (и выполнив секретную миссию, которая, несомненно, была причиной их прибытия), появилась новость, основанная на информации, представленной экипажами, о том, что Бинангонан уже восстал.

Это было еще одним доказательством того, каким малым доверием могло пользоваться местное население, настолько сдержанными, когда они могли бы дать нам нужную информацию и таким общительным впоследствии, когда они возжелали раздражать нас новостями. В день Святого Иоанна (San Juan) у нас было еще одно плохое предзнаменование. Незадолго до этого в местной тюрьме сидели двое мужчин. Она была сожжена во время октябрьских событий и их при-

шлось поместить в *Tribunal*, как здесь величалось одно из муниципальных зданий, где они и оставались, отбывая наказание или ожидая результатов суда. Я не знаю, какими были преступления, за которые они были заключены – возможно, не очень серьезными, но оба были местными жителями и были задержаны нами и, несмотря на представленные возможности, их «сограждане» не освободили их. Этот факт заслуживал тщательного рассмотрения.

Тем не менее, капитан взял одного из них, который назвался Алехо, в качестве своего слуги. Военно-политический губернатор не имел права брать одного из бойцов войскового подразделения для выполнения таких обязанностей. Поскольку поведение Алехо не вызывало подозрений, ему разрешалось ходить повсюду и, само собой разумеется, у него было много возможностей для наблюдения. И он оказался тем, кто дал нам сигнал о бегстве из города, сбежав 24 июня и прихватив с собой саблю, принадлежавшую нашему доктору сеньору Вигиль.

Лас Моренас поручил задержать Алехо некоему Моизесу, лидеру предыдущего восстания, который вскоре вернулся, сообщив, что Алехо присоединился к повстанцам в Пантабангане и 27-го числа к нам направился их большой отряд, чтобы казнить Новисио Луна, потому что тот отказался присоединиться к восстанию.

Можно предположить, что Новисио не знал об этих новостях, но, тем не менее, захватить его врасплох не удалось

и дома его не нашли. «Он ушел в поле», – сказала его семья – «Он не вернется несколько дней». Теодорико Новисио Луна был, по сути, главнокомандующим всех сил мятежников в округе Эль-Принсипе и он направлялся, чтобы закупать оружие для группы, которая по его приказу совместно с повстанцами от Пантабангана должна была выступить против поста в Балере.

Теперь все стало ясным. 26-го наблюдалось бегство из города, что указывало на приближающее нападение, так же, как отлет некоторых птиц часто указывает на близость торнадо. Нужно было принять энергичные меры и в кратчайшие сроки.

Мы поняли это, наблюдая поведение населения на следующее утро, хотя мы все еще сомневались. На рассвете в городе больше не осталось ни одного жителя, было тихо и пустынно.

Но это было не самым худшим в конце концов, для нас лучше было видеть город оставленным, чем иметь плохих соседей; Нашими наибольшими и самыми чувствительными потерями являлись украденный сундук монаха Карреньо, содержащий триста пятьдесят песо, и, самое важное, что они похитили всю униформу и нижнее белье, которые наши солдаты отдали в стирку.

Поскольку теперь нам пришлось признать и следовать неизбежному, мы получили приказ подготовиться к обороне в церкви. В течение дня (27-го) мы перенесли туда часть про-

довольствия, которые хранились в Комендатуре из-за лучшей вентиляции этого здания; а также около семидесяти каванов (каван содержит семьдесят пять литров) палая, которые священник купил с лодок, пришедших из Бинангонана, с целью продажи его с прибылью, не запрещенной законом.

В тот день мы обнаружили исчезновение местных служащих госпиталя, капрала Альфонсо Сус Фохаса и рядового Томаса Паладио Паредеса, а также моего слуги Вильядиего и рядового -испанца Фелипе Эрреро Лопеса. Той ночью мы заперлись в церкви с Вигилем, монахом Гомесом Карреньо и военно-политическим губернатором, чья власть исчезала, как дым.

То же самое происходило и с нашим энтузиазмом. Неоспоримым стал тот факт, что ситуация стала критической, враг был уверен и многочисленен, эти стены слабы, возможности обороны сомнительны, измена возможна, а помощь маловероятна. Короче говоря, наступил момент, всегда мучительный, когда голос чести громче звучит, побуждая к самопожертвованию и когда смерть кажется неизбежной, без другой славы, чем наша собственная совесть.

Пустынный океан, река – непроходимый ров, город пустынный и безмолвный, лес и горы, которые отрезали нас и заброшенность, которая стала для нас очевидной, – это безусловно, не те обстоятельства, которые внушали нам мужество и стойкость.

Утром 28-го я провел разведку с четырнадцатью бойцами

без происшествий и в течение дня те из нас, которые были в этом не задействованы, занимались доставкой воды в церковь, наполняя двадцать *tinajas* (глиняных сосудов), которые мы притащили из разных городских домов.

29-го числа командир отряда мой товарищ Алонсо провел разведку с таким же количеством людей и все обошлось без потерь, кроме дезертирства солдата Феликса Гарсиа Торреса, который, похоже, бежал от «крушения», как крысы от падающих руин. В конце концов, это было не первое дезертирство и не последнее.

Затем мы занялись сносом так называемого женского монастыря, расположенного рядом с церковью, который на самом деле был только резиденцией приходского священника. Мы сложили в подвале всю древесину, полученную при сносе; намереваясь соорудить из нее *corral* (загон для животных) и подняли одну из стен подвала, чтобы она служила забором. Эта стена была каменная, высотой около двух метров.

Мы также поймали трех или четырех лошадей, чтобы в случае необходимости убить съест их мясо. Но некоторые из солдат запротестовали, говоря, что они не будут есть это и Алонсо говорил то же самое, да и другим не очень понравилась эта идея, мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться приказу капитана и освободить лошадей.

На то была воля Бога, чтобы дата 30 июня 1898 года была отмечена кровью. До той поры нам приходилось отмечать только угрозы, предчувствия и страхи, в уныние приводили

предательство и злобные насмешки, но в то утро облако накрыло нас (я говорю об этом без преувеличения) и мы почувствовали желаемое облегчением, хотя и с некоторым страхом. Облака сгустились и мы вздохнули с облегчением.

В ежедневную разведку я вышел только с четырнадцатью солдатами, как и в прежние дни. Везде стояла тишина. Мы шли с обычными мерами предосторожности и не замечали ничего, что могло бы вызвать беспокойство, когда, достигнув Моста Испании, расположенного в западной части города, внезапно попали под сильный огонь врага, расположившегося на берегу потока, протекающего под мостом, а затем они бросились на нас, пытаясь окружить.

Поняв их замысел и не видя другого выхода, мы начали отступать в церковь. Нам было необходимо срочно добраться до укрытия и мы с некоторым трудом добились этого, унося с собой капрала Хесуса Гарсия Кихано, тяжело раненного в ногу.

Мне выпало ответить на эти первые выстрелы и мне довелось ответить и на последние.

Мы оказались в осаде.

III

С первого по восемнадцатое июля

Первое письмо врага. – Подготовка к обороне. – Второе письмо. – Ответ Лас-Моренаса. – Строительство траншей. – Грегорио Каталан поджигает несколько домов. – Новая инициатива Наварро Леона. – Отражение атаки. – Перемирие. – Призыв к мятежу. – Письмо монаха Гомеса. – Предупреждение от Вильякорта. – Отказ от капитуляции.

На рассвете следующего утра мы нашли письмо, которое враг оставил возле церкви. В нем они предлагали нам сложить оружие, чтобы избежать бесполезного кровопролития, так как почти все испанские войска уже сделали это, и что дальнейшее сопротивление было бессмысленным. Они добавили, что их нынешние силы состоят из трех отрядов, которые имеют подавляющее превосходство и готовы нас взять в плен. Это письмо не произвело большого впечатления на нас.

Что касается капитуляции почти всех испанских войск, то мы решили, что эта история не более чем глупая выдумка со стороны врага. Но поскольку проявления их силы были неоспоримыми, а факты, которые мы смогли собрать, показали, что ситуация стала критической, а опасность очень реальной, мы поняли, что это будет долгая история. Поэтому мы старались подготовиться к этому всеми возможными

ми способами. Подозрение и нерешительность уступили место уверенности и решимости, в наших душах пробудилось нечто великое.

Со своей стороны я снова начал настаивать на рытье колодца, понимая, что при плотной осаде мы не сможем покинуть церковь, как это и произошло позднее и нам ничего не останется, кроме как сдаться. Лас Моренас продолжал верить упорно в то, что сказал покойный школьный учитель, но в конце концов разрешил мне действовать по моему усмотрению и я с пятью солдатами начал эту работу.

Результат показал очень скоро, что я не ошибался. На глубине четырех метров мы нашли изобилие воды, достаточной для всех жизненных потребностей. Теперь нам можно было не бояться жажды; но почва внизу была песчаной, а подземное течение очень сильным, поэтому колодец вскоре заблокировало песком. Нужно было закрепить стены колодца и для этого мы разобрали каменный столб из *корраля*. На самом дне мы установили половину винной бочки. Мой друг Алонсо с остальными бойцами тем временем занимался защитой дверей и окон – необходимыми приготовлениями к бою, которых противник меньше всего ожидал.

На следующий день (также утром, поскольку враг не приближался к нам, кроме как под покровом темноты) мы нашли второе письмо в десяти шагах от церкви, которое они оставили таким странным образом, что мы даже испытали, скорее приятный, шок. Он был помещен в полость куска

ствола бамбука, один конец которого воткнут в землю, а другой был покрыт банановым листом, чтобы, без сомнения, не дать дождю намочить его содержимое.

Очевидно, они не хотели дать нам повод называть их сообщения просто «мокрыми бумажками». Второе письмо состояло в основном из жалоб на то, что мы не ответили на первое, и таким образом, что их словам, «не выполнили наши джентльменские обязательства». Затем они повторяли то, что они уже сказали в первом о победоносном прогрессе восстания, заверяя нас, что в их руках уже большинство провинций Лусона, а столицу Манилу осаждают 22 000 тагалогов (наиболее многочисленный народ Филиппин – прим. переводчика), которым удалось отрезать город от водоснабжения и теперь, чтобы избежать гибели от жажды, ему придется капитулировать.

Они, без сомнения, сообщили нам об этой ситуации в Маниле из-за подобного тяжелого положения, в которое, по их мнению, они поставили нас, отведя реку и думая, что теперь наши запасы воды ограничены и поэтому вскоре иссякнут.

Ответ Лас Моренаса был правильным и примирительным. «Манила не сдастся из-за недостатка воды», – сказал он им, – «так как можно использовать морскую воду, которая там есть в изобилии». Он продолжал советовать им, что вместо того, чтобы пытаться вводить нас в заблуждение, они должны вернуться под власть Испании и что он, военно-политический губернатор, примет их с распростертыми объятиями.

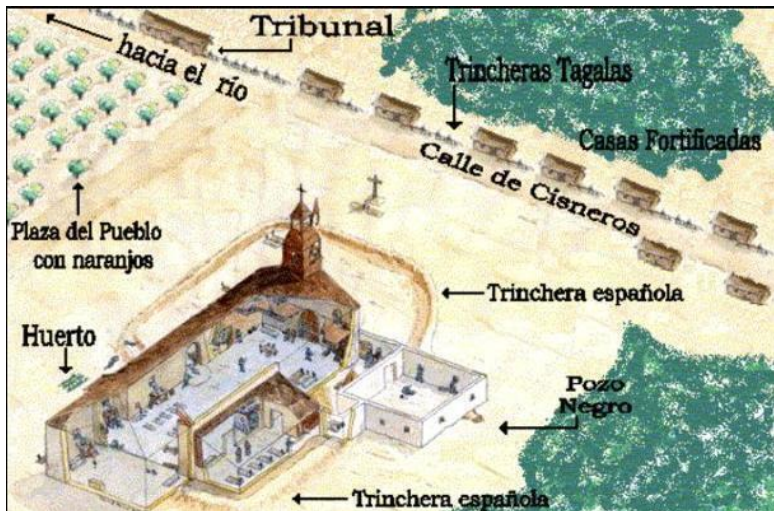
Он также порекомендовал, чтобы они не оставляли больше писем в окрестностях церкви, а для того, чтобы отправить их, они должны сыграть сигнал «внимание» и если мы ответим тем же сигналом, они должны послать человека с сообщением, но только одного и с белым флагом. Он также указал, каким образом же им будет передан ответ. Мы поднимаем белый флаг, играем «внимание», после чего они могут послать кого-нибудь, чтобы получить ответ.

Было решено, что мы не будем посылать солдат, опасаясь, что дезертиры могут распропагандировать их или заманить в ловушку. Один из тех негодяев, Фелипе Эрреро Лопес, который был моим слугой, имел наглость явиться, чтобы получить наш ответ. Я вышел сам, чтобы передать ему это и попытался убедить его вернуться к своим обязанностям, но, тот, схватив сообщение и не произнеся ни единого слова, вернулся бегом к своим спутникам в лагерь предательства и стыда.

3 июля они прислали нам еще одно письмо с дезертиром Феликсом Гарсиа Торрес, которое мы не приняли, сказав ему, что он должен дать врагу понять, что если в будущем они продолжат присылать эмиссаров такого рода, мы встретим их пулями. Я полагаю, что они так и поступили, потому что знали, что такие люди с большей вероятностью могут с нами сговориться, а также потому, что если бы с ними что-то случилось, это не было бы очень большой потерей, а возможно, они просто хотели нас раздражать. Но мы и не по-

желали бы их принять. Их присутствие с посланием, призывающим нас спустить флаг, тот самый, который касались их предательские губы, их трусливое поведение, которое мы ни в коем случае не смогли бы стерпеть.

В тот же день из-за постоянной стрельбы врага стало невозможным выходить из церкви, поэтому мы использовали несколько каменных плит, чтобы соорудить печь в *коррале*, так как наши запасы хлеба иссякли через семьдесят два часа после того, как мы заперлись в церкви. Печь со всеми дефектами, которые только можно было представить, но столь полена для приготовления столь ценного продукта, была закончена в тот же день. Чтобы облегчить стирку тех немногих предметов одежды, которые все еще оставались у нас (благодаря некоторым честным жителям, которые не унесли все это), мы распилили две пустые винные бочки, такие же, как использованная в колодце, и таким образом обеспечили себя двумя прекрасными деревянными корытами. Две жестяные банки из-под австралийских мясных консерв послужили ведрами для наполнения этих ванн. Теперь мы нуждались только в дополнительном запасе одежды, чтобы сделать наши процедуры стирки более приемлимыми, так как некоторые из нас должны были ходить голыми или полундетыми, если мы хотели предаться роскоши чистой одежды.

Район боевых действий в Балере

Tribunal – здание суда

Trincheras Tagalas – траншеи тагалогов

Trincherera española – испанские траншеи

Pozo Negro – выгребная яма

Huerto – огород

Plaza del Pueblo con naranjos – деревенская площадь с апельсиновыми деревьями

Casas Fortificadas – укрепленные дома

В то время, когда мы предпринимали меры предосторожности, необходимые для длительного сопротивления, враг не проявлял особой настойчивости. Ограниченные пространством этой скромной церкви, где ничто не казалось более странным, чем поклонение Богу и где, несомненно, никогда не было, чтобы Бог более искренне призывался и почитался, чем в те дни, настолько горьких, когда нам приходилось смотреть изо дня в день на то, как траншеи осаждавших удлинялись, запирая нас, формируя нечто очень похожее на паутину, которую паук так умело ткёт, чтобы предотвратить любую попытку побега своей жертвы.

Мы не могли противодействовать их действиям, потому что численное превосходство противника было велико и любая такая попытка с нашей стороны привела бы к бесполезным потерям, к катастрофе, материальной и моральной, которую мы не могли себе позволить.

Ни один из врагов не выдавал себя при строительстве траншей. Они очень хорошо понимали опасность этого и старались все делать под покровом ночи. Мы были начеку, чтобы стрелять в точку, где услышали шум, но шум волн близкого моря способствовал врагу. Таким образом, они смогли в некоторых местах приблизить свои окопы к пятидесяти шагам от нас, а в других – даже к двадцати, создав линию, хотя и не непрерывную, но прикрытую и защищенную в разных точках домами, ближайшими к церкви.

В местах, которые казались им наиболее уязвимыми, они

снесли ряд жилищ, превращая это место в своего рода сельскохозяйственные поля, которые обеспечивали превосходную защиту от нашего огня и через которые они могли нас провоцировать в любой момент, используя построенный своего рода бруствер, отлично укрепленный и снабженный бойницами для стрельбы.

До этого момента мне уже пришлось зафиксировать не один случай самого позорного и отвратительного преступления, которое только может совершить солдат – дезертирства. И в противоположность этому трусливому поступку мне приятно отметить акт самопожертвования и героизма, достойного славы, совершенного совершенно ранее неприметным Грегорио Каталан Валеро (*Gregorio Catalán Valero*). Он стал первым в ряду самых достойных бойцов осады, одним из тех, кто заслужил особого упоминания.

Более всего мы опасались окончания строительства этой удавки траншей, которая приближалась к серьезному опорному пункту – казармам *Guardia Civil*, расположенным менее, чем в пятнадцати шагах от церкви, рядом с ее северо-восточным углом. Нам было совершенно ясно, что отсюда они смогут нанести нам большой урон, используя близость и прочность этого здания, а также его расположение.

Нужно было устранить эту угрозу любыми путями и Грегорио совершил это с невероятной смелостью. Он выскочил из церкви и, несмотря на яростный огонь противника, ухитрился поджечь не только казармы, но и школьное здание с

таким уменьем, что все сгорело дотла, несмотря на рой инсургентов, которые, при их полном превосходстве, не осмеливались противодействовать этому, опасаясь оказаться под градом наших пуль.

Может быть, Грегорио Каталан еще жив*. Если он сможет прочитать эти страницы, то это станет хотя бы небольшим возмещением, того, что я смог бы добавить к своей благодарности.

Нашему солдату нужен пример, инициатива, которые поведут его куда угодно и, через несколько дней, другой солдат, Мануэль Наварро Леон (Manuel Navarro León), будущей жертве последующей эпидемии, от которой мы пострадали, удалось поджечь еще один соседний дом из которого нас обстреливал противник.

Видя наше упорное сопротивление и постоянную бдительность, которую мы старались использовать в своих интересах при любой небрежности противника и не позволяя ему действовать безнаказанно, что очень его раздражало и в результате вскоре мы заметили, что он готовится к штурму.

Тем временем мы также делали нужные приготовления, замуровав нижнюю половину каждой двери и защитив верхнюю часть скатанными одеялами или ящиками, заполненных землей. Окна были оборудованы таким же образом, чтобы никто не смог бы через них проникнуть и в них сделали бойницы.

Для того, чтобы мы могли выбраться наружу в случае

необходимости, оставили небольшое отверстие в двери в восточной стене церкви. Таким образом, мы были настолько плотно заперты, что никакой злоумышленник не смог бы пробраться в наше убежище и при такой попытке его ждала бы смерть.

8 июля лидер мятежников Сирило Гомес Ортис направил нам письмо с просьбой приостановить военные действия, чтобы люди могли отдохнуть от непрерывных боев. Этот человек решил показать свою щедрость и, сославшись на информацию от дезертиров о том, что мы страдаем из-за нехватки продуктов, он предложил нам все, что нам может понадобиться, и предложил послать для этого двух безоружных солдат. В качестве подтверждения серьезности предложения он отправил с письмом небольшую коробку сигарет для капитана и сладости для каждого из солдат.

Приостановка была согласована (и никто не нуждался в ней больше, чем мы) до наступления темноты, после чего стрельба могла начаться снова. Мы поблагодарили Ортиса за его любезное предложение и сообщили ему, что у нас достаточно всех видов провизии и в обмен на его любезность послали ему бутылку хереса, чтобы он мог выпить наше здоровье, и различные мелкие подарки.

В согласованное время военные действия возобновились и больше не прерывались в течение всей осады. Противник прибегал к любым средствам, чтобы добиться нашей капитуляции. Видя, что известие об их победах по всему остро-

ву не повлияли на нас. они пытались запугать нас сетью окопов, которые окружили нас; затем они прибегли, как только что упоминалось, к вежливым предложениям и, ничего не добившись этим, они пытались напугать нас громкой игрой труб, которые, непрерывно звуча на разных расстояниях, должны были указывать на присутствие очень больших сил. Этот метод, который уже использовался в ряде кампаний военной истории, так и не достиг своей цели.

Они также добавляли к этому самые страшные угрозы и (больно об этом писать) мерзкую наглость стаи предателей из нашей собственной армии, которые постоянно кричали, что мы обманули отряд, что мы приведем его к гибели, а дело наше проиграно и так далее с тем же эффектом, призывая наших солдат дезертировать, а не то по своей глупости они погибнут в церкви, что (оставляя офицеров защищать себя, если те этого захотят), они должны спасти свои собственные жизни, что им гарантируют хорошее обращение и что они получат все преимущества, дезертировав в лагерь противника. Против этого слов прочные стены и амбразуры были совершенно бесполезны; здесь могла помочь только постоянная бдительность.

18-го числа рядовой, Хулиан Гальвете Итурменди, был тяжело ранен, а 31-го скончался вследствие ранения. Христианские обязанности, которые мы были обязаны ему посвятить, потребовали создания еще одного печального атрибута – кладбища.

18-го также мы получили письмо, адресованное военно-политическому губернатору и брату Гомесу Карреньо. Его подписал коллега последнего, монах Леонсио Гомес Платеро. Он посоветовал нам сдаться, убеждая нас сложить оружие перед предводителем Каликсто Вильякорта, который с радостью примет нас в Катипунане, добавив, что к нам будут относиться с особым почетом и немедленно отправят в Испанию, как это уже имело место с остальными отрядами, почти все из которых сдались без боя. Письмо было любезно написано с определенным красноречием, подобным тому, которое использовали исповедники на смертном одре. Мы не ответили на него.

Но срочное сообщение, которое мы получили на следующий день, 19 июля, от Вильякорты, не могло рассматриваться таким же образом. Он писал:

«Я только что прибыл с тремя колоннами под моим командованием и, зная о бесполезном сопротивлении, которое вы оказываете, я сообщаю вам, что, если вы сложите оружие в течение двадцати четырех часов, я буду уважать вашу жизнь и имущество, обращаясь с вами со всем уважением. В противном случае я заставлю вас сделать это без всякого сострадания и возложу на офицеров всю ответственность за каждый возможный смертельный исход.

Отправлено из моей штаб-квартиры 19 июля 1898 года.

Каликсто Вильякорта».

На следующее утро мы направили ему следующее: «Сего-

дня в полдень истекает срок, установленный в вашей угрозе. Офицеры не могут нести ответственность за гибель людей. Мы едины в решимости выполнить свой долг и вы должны понять, что если и овладеете церковью, то это произойдет только тогда, когда в ней не останется никого, кроме мертвых тел – смерть предпочтительнее бесчестия».

И действительно, мы предпочитали смерть.

IV

С 20-го июля по 30-е сентября

Перестрелка нарастает. – Артиллерия обороняющихся. – Письма врага. – Попытка нападения. – Религиозные послания. – Дисциплинарное наказание. – Потери растут. – Бери-бери. – Смерть монаха Карреньо. – Героизм Ровиро. – Письмо от Денюи де Ломе. – Большие доказательства катастрофы. – Этого не может быть!

Постоянный огонь врага, порой яростный и непрерывный, как будто они пытались любым путем уничтожить нас или заставить покинуть убежище а иногда – редкий и обдуманный, как будто они хотели только напомнить нам о приближающемся и неминуемом конце, растущее число жертв, появление болезни, симптомы которой были очень тревожными, раздражающие письма, предупреждения и советы, измена, которая никогда не спит и печальная ситуация Матери-родины, которая становилась все более и более ясной для нас, составляют картину семидесяти двух дней осады, о которых я и расскажу в этой главе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.